

Наука и поэзия в творчестве Велимира Хлебникова

*Сестры! Сестры! все мы нагие! все мы едины!
все мы равны!
Бросимся в реки, все мы похожи, как капли воды!
Великого мы девушка-цаца.
Все смуглоглазые будем купаться.
Сложим одежды, потом перепутаем,
Все переменим — все мы равны,
И после оденем — русалки волны.
И кто был в воде нем — будет бус без.
Мы равенство миров, единый знаменатель.
Мы ведь единство людей и вещей.
Мы учим узнавать знакомые лица в корзинке овощей,
Бога лицо.
Повсюду единство мы — мира кольцо.
Мыслители нате!
Этот плевок — миров столица,
А я — веселый корень из нет-единицы¹.*

Наука и Поэзия

Единство мифологии

Наука (как и поэзия), реально творимая живыми людьми в определенную эпоху, опирается на нечто, вне науки находящееся, — на жизненное отношение к окружающему, свойственное времени и месту. Ибо научное исследование возможно, когда объяснение идет не дальше некоего уровня представлений, принимаемого научным сообществом как данное, — научной идеологии, если угодно — научной мифологии.

Хлебников — с одной стороны, Планк, Минковский, Эйнштейн, Кольцов, Вавилов — с другой, питались одной и той же мифологией, почерпая из нее исходные интуиции.

Не станем здесь выяснять, в какой мере размышления над *поэзией* плодотворны для *правды*. Хлебников утверждал, что:

Провидение сказок походит на посох, на который опирается слепец человечества².

Впрочем, посох по руке лишь богатырю.

Очевидно, что даже беглое знакомство с некоторыми концепциями «нового» естествознания грани веков резко расширит круг ассоциаций, необходимых для более полного, чем при одном лишь филологическом подходе, понимания Хлебникова. Ведь Хлебников обладал глубокими познаниями во множестве разных областей, — причем знал обо всех вещах именно то, что нужно знать, — и последовательно уничтожал указатели на контекст должного истолкования. Делал это, быть может, потому, что его творчество вообще ориентировано на мгновенное постижение-озарение: сразу во всей полноте. — Сказывают, что и Моцарту «чудится, что он слышит всю симфонию от начала до конца сразу, одновременно, в один миг!»³.

Хлебниковское понимание пространства и времени резко расходится с классическими представлениями и близко так называемому новому естествознанию. Хлебников подразумевает единство пространства-времени. Об этом идет речь, когда он говорит: «Человек есть местовременная точка»⁴.

Время имеет субъективное значение для мыслящей личности: «Жизнь есть частное числа дел и количества времени»⁵.

В отождествлении времени-длени с жизнью — основа привлекательности Хлебниковского понимания времени: «Заря будущего мирно пасется с тенями прошлого»⁶.

Хлебников считал время-пространство «не бездырным» и строил уравнения на квантах времени. Вспоминаю рассказы Н.В.Тимофеева-Ресовского о встречах с В.И.Вернадским на Неделе русской науки в Берлине в 1927 году: «...А я-то лично думаю, и по моим воспоминаниям от наших разговоров или трепов, Вернадский придерживался близко такой мысли, что если когда-нибудь будут сквантованы пространство и время, то может быть физическим *чем*-то будет состояние взаимодействия квантов пространства и времени, а физическим *ничто* будет отсутствие такого взаимодействия...»⁷.

Эти моменты демонстрируют глубокие разногласия между Хлебниковским пониманием оформленного, оживленного, одухотворенного времени-пространства и Ньютоновским пониманием голого пространства и мертвого времени.

(Речь идет, конечно, не о великом мыслителе, математике, мистике, а о позднейших эпигонах, не способных, в отличие от Ньютона, ни ответить на вызов времени, ни почувствовать такой вызов.)

Младший современник Хлебникова А.Ф.Лосев говорил о том же в более энергичных выражениях: «Механика Ньютона построена на гипотезе однородного и бесконечного пространства. Мир не имеет

границ, т.е. не имеет формы. Для меня это значит, что он — бесформен. Мир — абсолютно однородное пространство. Для меня это значит, что он — абсолютно плоскостен, невыразителен, нерельефен. Прибавьте к этому абсолютную темноту и нечеловеческий холод междупланетных пространств. Что это как не черная дыра, даже не могила и даже не баня с пауками, потому что и то и другое все-таки интереснее и теплее и все-таки говорит о чем-то человеческом»⁸.

Некий журналист, нападая на Пушкинское стихотворение, неловко пошутил насчет «когтей господина сочинителя». Стихотворение и заметка были без подписи. Пушкин отозвался эпиграммой «*Ex ungue leonem*»:

Ни мне, ни площадному шуту
Не удалось прикрыть своих проказ:
Он по когтям узнал меня в минуту,
Я по ушам узнал его как раз.

Хлебников спокойно высказал неприятие Ньютона во фрагменте «Я и Чосер» *Досок Судьбы*. Нужно одновременно держать перед умственным взором и Пушкинскую эпиграмму, и подробности раскола классической и новой физики, и многое другое, — а если и не знать всего этого, то достаточно обратить внимание на редкое по насыщенности страстью написание слов, невозможных для печати, — чтобы понять, с каким сарказмом Хлебников составил эту надпись:

ex ungue Newtonem.

Напротив, Хлебников высоко ценил специальную теорию относительности Г.Минковского:

Воин! Ты вырвал у небес кий,
И бросил шар земли...
И новый Ян Собесский
Выбросил: пли!
Тому, кто
Уравнение Минковского
На шлеме сером начертал,
И песнезавом Маяковского
На небе черном проблистал⁹.

Минковский показал связь места и времени. Его уравнение:

$$3 \cdot 10^5 \text{ км} = \sqrt{1} \text{ сек},$$

300 000 километров как одна (световая) секунда.

На серый шлем, доставшийся от имперских запасов, красногвардейцы нашивали матерчатую пятиугольную звезду. Пентаграмма — символ Пифагорейского братства — замечательная фигура: с ней свя-

зано золотое сечение; ее пятеричная симметрия, невозможная у правильных кристаллов, характерна для живых структур (морские звезды, пятипалая конечность, генетический код и проч.). Символически пентаграмма эквивалентна изображению св. Георгия, попирающего змия, поэтому звезда Героя Советского Союза имела тот же смысл, что и знак Ордена Подвязки.

Металлическую звездочку с *плугом и молотом*, символом единства пространства и времени, поначалу получили избранные части: политотделы, чека. Хлебников видел эту первую звездочку, когда «Чека за 40 верст меня позвала на допрос...»¹⁰. По звездной азбуке словосущество «ЧеКа» имеет такой смысл: «*К* – встреча и отсюда остановка многих движущихся точек в одной неподвижной... *Че* – полый объем, пустота которого заполнена чужим телом...»¹¹

СТО

В речи 1908 года Герман Минковский настаивал, что выражаемая формулами группы Лоренца связь между пространственными координатами и временем не случайна, но есть проявление их внутренней связи:

Отныне пространство и время, рассматриваемое отдельно и независимо, обращаются в тени, и только их соединение сохраняет самостоятельность¹².

В *Трубе Марсиан* Хлебников говорит о том же:

Люди!

Мозг людей и доныне скачет на трех ногах (три оси места)!

Мы приклеиваем, возделывая мозг человечества, как пахари, этому щенку четвертую ногу, именно, — *ось времени*.

Хромой щенок! Ты больше не будешь истязать слух нам своим скверным лаем¹³.

Чтобы подчеркнуть это соединение, Минковский вводит общее понятие *мир*: Элемент мира есть *мировая точка* (x, y, z, t). — Нельзя здесь не вспомнить «хронотоп» Бахтина и Ухтомского и «местовременную точку» Хлебникова. — Если бы мы могли провести мировые линии всех субстанциональных точек Вселенной (атомов, световых волн), то мы получили бы историю Вселенной в ее прошедшем и будущем.

...Теперь понятие человеческого рода установило третье понятие — понятие *n*-протяженной величины, которое нетрудно было бы назвать дедушкой по отношению к нашим близнецам, двум загадкам бытия. Исходя из него, этого третьего понятия-

дедушки, нетрудно вывести оба понятия, пространство и время, и найти и зачертить их родословную. А ведь это очень большой успех, так как дух человеческий радуется и смеется светлым смехом, как дитя нашедши цветной камешек, когда ему удастся свести два отдельных, разделенных разрывом генетической связи, понятия на одно, некоторое третье¹⁴.

Вопрос о метрике *мира-дедушки* решает специальная теория относительности в той форме, которую ей придал Минковский. Ее основной принцип, *мировой постулат*, благодаря которому «становится возможно вполне одинаковое рассмотрение четырех координат x , y , z , t , и через это выигрывают в удобопонимаемости формы, в которых выражаются физические законы». Все законы природы инвариантны относительно преобразований, оставляющих неизменной функцию $x^2+y^2+z^2-c^2t$. Введя $t = ict$ ($i = \sqrt{-1}$), Минковский получает квадратичное дифференциальное выражение, которое оказывается вполне симметричным по отношению к своим переменным, и эта симметрия переносится на каждый закон, не противоречащий мировому постулату.

Поэтому существо этого постулатума можно выразить мистической формулой

$$3 \cdot 10^5 \text{ Kmm} = \sqrt{-1} \text{ sec}^{15}.$$

Постоянный персонаж Хлебникова, мнимая единица, позволяет поэтому о явлениях времени говорить словами места.

В рассказе *Ka²*:

Конечно, даже вы допустите, что может быть человек и еще человек, положительное число людей. Два. Но знаете, что когда кого-нибудь нет, но его ждут, то он не только [не] увеличивает на единицу число вещественных людей, его не только нет, но он и отрицательный человек? И что по воззрениям иных мы переживаем столетия [кусты мигнов] отрицательного пришельца с терновником в руке...

А вы знаете, что природа чисел та, что там, где есть да числа и нет числа (положительные и отрицательные существа), там есть и мнимые ($\sqrt{-1}$)?

Вот почему я настойчиво хотел увидеть $\sqrt{-1}$ из человека и единицу, делимую на человека. И его лицо преследовало меня всюду в шуме улиц.

Впрочем, скоро я понял, что если любимый, ожидаемый, но отсутствующий человек отрицательное существо, то каждое враждебное постороннее собранию (не присутствующее в нем) будет $\sqrt{-1}$, существом мнимым¹⁶.

Взглянем на стихотворение

Крылышка злотописьмом
Тончайших жил
Кузнечик в кузов пуза уложил
Прибрежных много трав и вер
Пинь, пинь, пинь! тарарахнул зинзивер.
О лебедиво.
О озари!¹⁷

Переломное слово здесь: кузнечик. «Золотописьмом тончайших жил» – кузнечик насекомое; дальше речь идет о синице *Parus major* L., она же Большая синица, *Кузнечик*, Обыкновенная и Простая синица, Желтый Слепух, Зинька, *Зиньзивер*: «Всегда веселая и бодрая, она безостановочно скачет и лазает по веткам деревьев, кустов, живых изгородей и заборов... Главную пищу большой синицы составляют насекомые, их яйца и личинки; мясо же, семена и плоды служат ей лакомством. Она по-видимому, ненасытна, так как ест с утра до ночи...»¹⁸.

«Веры» в другом варианте стихотворения означали верхушки камышей; здесь также: виды (насекомых):

...я пришел к формуле, что виды – дети вер и что веры – младенческие виды. Один и тот же камень разбил на две струи человечество, дав буддизм и Ислам, и непрерывный стержень животного бытия, родив тигра и ладью пустыни...

...виды потому виды, что их звери умели по-разному видеть божество (лик). Волнующие нас веры суть лишь более бледный отпечаток древле действовавших сил, создавших некогда виды¹⁹.

Далее из Брэма: «Ее голос обыкновенное «цитт» или «зитт», к которому, в минуту опасности, присоединяется «террррр»; в случае испуга этим звукам предшествует еще: «пиик, пиик»; нежные чувства выражаются слогами: «вюди, вюди». Пение простое, но не неприятное».

Так волшебный камень, давший Хлебникову метабиоз, задает способ превращений, метаморфоза. Вот прекрасный отрывок: оленя преследует охотник.

Все ближе конское дыханье,
И ниже рог твоих висенье,
И чаще лука трепыханье,
Оленю нету, нет спасенья.
Но вдруг у него показалась грива

И острый львиный коготь.
И беззаботно и игриво
Он показал искусство трогать²⁰.

Космогония

Основателями современной космологии и космогонии считаются Эйнштейн и особенно Фридман. В 1922 году молодой русский физик А.А.Фридман нашел нестационарные решения уравнения Эйнштейна и, таким образом, выдвинул представление о нестационарной Вселенной как основе своей математической космогонии. Эйнштейн развивал релятивистскую космологию и использовал стационарную модель. Неудивительно, что он ответил на публикацию Фридмана уничтожающей критикой. Только после некоторых разъяснений он признал (вполне формально) идею Фридмана. Для позитивистски настроенного научного сообщества новая нестационарная модель оказалась делом отчасти не уместным, во всяком случае, неловким: допуская, что Вселенная подвержена изменениям, мы с необходимостью приходим к выводу, что у нее будет конец и было начало, — то есть к идее Творца.

Впрочем, сейчас, и уже давно, идея пульсаций Вселенной никого не смущает; именно на ней основаны различные варианты представлений о первичном раздувании Вселенной и Большом Взрыве — «каменеющий крик» Хлебникова; более продвинутые модели рассматривают последовательности взрывов, «крик за криком». Сжатие и схлопывание Вселенной начинают «ночь Браммы», когда времени больше не будет. Ночь проходит; перед зарей дня и новым возникновением времени вся вселенная была широко раскрытый клюв ворона²¹.

Во всех космогониях первый символ — Яйцо (или Голова), окруженное Тьмой, — отсюда Ворон. Ной послал Ворона после Потопа, он не вернулся в Ковчег, ибо тогда началось создание Вселенной. Иначе: Ворон это Голова Вселенной, где творятся Боги, Небеса, Земля. Отсюда название Хлебниковской вещи — *Голова Вселенной*.

Мысль о пульсации Вселенной, среди других своих мыслей, Хлебников разъяснял в 1919—1920 гг. в Харькове Андриевскому. Научные монологи Хлебникова перемежались репликами о стихах: Андриевскому особенно понравилось стихотворение «Ты же, чей разум стекал...» из свежего сборника *Пути Творчества*²². Записав вариант для Андриевского, Хлебников заметил:

Самая важная в нем строчка — это «шиповники солнц понимать точно пение». В ней в самой краткой форме я утверждаю свою убежденность в пульсации всех отдельностей мироздания и их

сообществ. Пульсируют солнца, пульсируют сообщества звезд, пульсируют атомы, их ядра и электронная оболочка, а также каждый входящий в нее электрон. Но такт пульсации нашей галактики так велик, что нет возможности ее измерить. Никто не может обнаружить начало этого такта и быть свидетелем его конца. А такт пульсации электрона так мал, что никакими ныне существующими приборами не может быть измерен. Когда в итоге остроумного эксперимента этот такт будет обнаружен, кто-нибудь по ошибке припишет электрону волновую природу. Так возникнет теория лучей вещества²³.

Тогда же Хлебников (по Андриевскому) сказал: «Кеплер писал, что он слушает музыку небесных сфер. Я тоже слушаю эту музыку, и это началось еще в 1905 году. Я ощущаю пение вселенной не только ушами, но и глазами, разумом и всем телом».

Позже Хлебников включил полный вариант этого космогонического стихотворения в поэму *Война в мышеловке*.

Рассмотрим стихотворение, чрезвычайно богатое очевидными отсылками к различным контекстам осмысления, которое дает хороший пример *гипертекста* Хлебникова.

Ты же, чей разум стекал,
Как седой водопад,
На пастушеский быт первой древности,
Кого числам внимал
И послушно скакал
Очарованный гад в кольцах ревности,
И змея плененного пляска и корчи,
И кольца, и свист, и шипение,
Кого заставляли все зорче и зорче
Шиповники солнц понимать точно пение,
Кто череп, рожденный отцом,
Буравчиком спокойно пробуравил,
И в скважину надменно вставил
Росистую ветку Млечного Пути,
Чтоб щеголем в гости идти,
В чьем черепе, точно в стакане,
Была росистая ветка черных небес,
И звезды несут вдохновенные дани
Ему, проницавшему полночи лес²⁴.

В *Романе без вранья* А. Мариенгоф вспоминал о встрече с Хлебниковым в Харькове в апреле 1920: о глазах «как у святых на иконах Дионисия Глушицкого», и о церемонии посвящения в «Председатели» с кольцом, символом Земного Шара, на мизинце Хлебникова²⁵.

Закончим стихотворение — «гордая, полная вызова и веры в победу» вещь написана «7.XII.1917»²⁶:

Я, носящий весь земной шар
На мизинце правой руки,
— Мой перстень неслыханных чар —
Тебе говорю: Ты!
Ты вспыхнул среди темноты.
Так я кричу, крик за криком,
И на моем каменеющем крике
Ворон священный и дикий
Совет гнездо и вырастут ворона дети,
А на руке, протянутой к звездам,
Проползет улитка столетий!
Блаженна стрекоза, разбитая грозой,
Когда она прячется на нижней стороне
Древесного листа.
Блажен земной шар, когда он блестит
На мизинце моей руки!²⁷

Это космогоническое стихотворение дает также очень точное описание, с психофизиологической стороны, пробуждения Кундалини. В нижней части позвоночника расположен четырехлепестный «корневой чакрам» — *Мула чакра*. Здесь обитает творческая змеиная сила *Кундалини* — форма *шакти*, имманентная человеческому телу. Кундалини находится в сонном состоянии у обычных людей. В результате аскетических подвигов или по иным причинам змеиная сила пробуждается и ползет вверх по системе чакрам, стремясь сперва к области «третьего глаза», то есть к 6-му двулепестному чакраму, *Аджна*. Эта стадия соответствует возврату в первозданное состояние, «папушеский быт первой древности», когда человек вновь обретает чувство вечности, чем достигает потенциального бессмертия. Вплоть до этой стадии сохраняется человеческое состояние. Седьмой чакрам, тысячелепестный *Сахасрара*, соответствует головному мозгу; это место пребывания Атмана, сюда, к нему, как к своему супругу, поднимается Кундалини. Момент встречи восходящего тока сушумны с солнечным лучом — «и в скважину надменно вставил...»²⁸ — знаменует подлинный переход к высшим состояниям бытия.

«Если я Парсифаль, — писал Хлебников в дневнике, — то искупление было 19 сентября 1914 г. в финской лавке обуви, где синеглазая финка быстро села на колени и быстрым проворным движением завязала мне обувь и чело темное ее просило поцелуя. Точно я Иисус Христос»²⁹.

В жизненной ситуации Хлебников увидел отражение символической картины: в храме на вершине Монсальвата, горы Спасения, Парсифаль держит священное копьё с постоянно стекающей кровью и обретенную чашу Грааля; боготворит святые реликвии коленопреклоненная Кундри, освобожденная из замка чародея Клингзора. Символизм поясняется аналогией с человеческим телом: Монсальват — тело человека; храм — мозг, точнее, Сахасрара; копьё — позвоночник, его наконечник и чаша — шишковидная железа и гипофиз; Кундри — это Кундалини.

ОТО

\sqrt{T} у Хлебникова связан со специальной теорией относительности, давшей предельную мировую скорость. Общую теорию относительности символизирует «знамя Лобачевского логов»:

Перед закатом в Кисловодск
Я помню лик, суровый и угрюмый,
Запряган в воротник:
То Лобачевский — ты,
Суровый Числоводск.
Для нас священно это имя.
«Мир с непоперечными кривыми»
Во дни «давно» и весел
Сел в первые ряды кресел
Думы моей,
Чей занавес уже поднят³⁰.

Из ОТО возьмем тему: Пуанкаре против Эйнштейна. Пуанкаре рассуждал так. Астрономические наблюдения позволят решить вопрос, истинна ли геометрия Лобачевского (или Римана). Но то, что мы называем прямой линией в геометрии, это просто путь светового луча. Тогда, если, скажем, истинна не-Евклидова геометрия, то нам остается выбор между двумя возможностями. 1) мы могли бы отказаться от Евклидовой геометрии. Или же 2) мы могли бы принять другие законы оптики и допустить, что свет не распространяется точно по прямой линии (при измерениях мы должны также добавить новые законы, устанавливающие, что все твердые тела подвергаются некоторым сокращениям и расширениям). Пуанкаре предпочел вторую возможность, а Эйнштейн ее исключил, ради простоты системы физики.

Возьмем Алису и Гулливера из общеизвестных трактатов по относительности. Алиса все время изменялась в росте, то делаясь больше, то уменьшаясь до таких ничтожных размеров, что почти совсем